

УДК 315.07

Наследие И.С. Тургенева в полемике о роли и месте писателя-эмигранта в духовной жизни русской эмиграции первой волны

Тишина Ирина Николаевна

Журналист,

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына,
119240, Российская Федерация, Москва, ул. Нижняя Радищевская, 2;
e-mail: tishina70@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу восприятия наследия И.С. Тургенева деятелями культуры русской эмиграции первой волны в контексте полемики о положении и предназначении русского писателя в эмиграции. Спор об эмигрантской литературе разделил писателей Русского зарубежья на тех, кто не видел перспектив в ее развитии в силу оторванности от метрополии, и тех, кто, напротив, считал русскую эмигрантскую литературу преемницей великой русской культуры. Фигура И.С. Тургенева стала ярким примером для обеих точек зрения. Одни доказывали, что писатель успешно творил на чужбине, что свидетельствовало о творческой жизнеспособности русского писателя вне Отечества. Другие опровергали эту жизнеспособность, полагая, что произведения И.С. Тургенева влияли на русскую культуру в силу отсутствия политической изоляции, а произведения писателей русской эмиграции первой волны в России не известны, и, следовательно, не имеют влияния на читателей и на русскую культуру в целом. Наследие И.С. Тургенева писателями Русского зарубежья использовалось и как средство в борьбе за сохранение национальной идентичности: стихотворение в прозе «Русский язык» стало своеобразным духовным завещанием писателя своим соотечественникам, оторванным от родных корней, и особенно русским писателям – хранителям русского литературного языка. Актуальность данного исследования определяется наличием проблем сохранения национально-культурной идентичности и русского языка в глобальном Русском мире, при решении которых опыт писателей русской эмиграции в переоценке тургеневского наследия в данном контексте представляется востребованным.

Для цитирования в научных исследованиях

Тишина И.Н. Наследие И.С. Тургенева в полемике о роли и месте писателя-эмигранта в духовной жизни русской эмиграции первой волны // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 5А. С. 512-520.

Ключевые слова

И.С. Тургенев, русская культура, Русское зарубежье, русская эмиграция, русская эмигрантская литература, русский язык, национальная идентичность.

Введение

Биография художника современными исследователями представляется как культурно-эстетическая проблема, в рамках которой наделенность талантом рассматривается как «предуготовленность к судьбе особого рода» [Кривцун, 2001, 367] и приверженность творческой стихии [Глаголев, 2016, 41-48], тесно связанные с «парадоксальностью и противоречивостью» духовного мира художника [Глаголев, Внутренний мир..., 2016, 32-45]. «Особый род» судьбы выдающегося художника слова И.С. Тургенева заключался в почти тридцатипятилетнем пребывании писателя за пределами своего Отечества.

Актуальность исследования данной темы определяется не только несомненным значением изучения культурного наследия России, но и той ролью, которую играет сегодня вопрос национально-культурной идентификации в свете глобализационных процессов и артикулированной универсализации ценностного фундамента современной культуры [Силантьева, 2010, 6-34], [Селезнева, Каменец, 2013, 34-41], [Селезнева, Каменец, 2016] и др.

При этом вопрос о тех ценностных и нравственных началах, которые были заложены русской художественной литературой как основополагающие для специфической формы универсализма «русской души», остаются по сей день предметом научного изучения и жарких общественных дискуссий [Каменец, 2016], [Афанасьева, Захарченко, 2013, 5-9].

Фигура И.С. Тургенева, по нашему мнению, является ключевой для понимания многих процессов, исток которых – в бытийном противоречии политического прочтения культуры, а также в неоднозначном соотношении общего, особенного и единичного в свете интерпретации глобального, национального и локального.

Отметим: причинами длительного добровольного проживания И.С. Тургенева за границей, по мнению представителей культуры русской эмиграции первой волны (а именно Д.С. Мережковского, П.Н. Милюкова, Б.К. Зайцева и других), являлись, в том числе, многогранность, сложность, утонченность и особая культурность типа личности писателя, что и обуславливало его «тягу» к Европе. [Мережковский, 1914, 58-59], [Зайцев, 2009, 112-116], [Милюков, 1933, 2], [Милюков, 1934, 257-280] Таким образом, согласно мнениям деятелей культуры Русского зарубежья – с одной стороны и позиции современной культурологи – с другой, особая организация типа личности писателя вкупе с его выдающейся литературной одаренностью определили не только образ мысли, но и образ жизни И.С. Тургенева.

И.С. Тургенев принадлежит кругу немногочисленных, но ярких деятелей отечественной культуры, имевших опыт состоявшейся творческой жизни на чужбине до 1917 года: В.А. Жуковского, А.И. Герцена, Н.В. Гоголя. Думается, не случайно обращение к этому опыту писателей русской эмиграции первой волны: они искали в нем духовную опору, нравственные и профессиональные ориентиры, важность которых для адаптации в инокультурном окружении трудно переоценить. Проанализировав источники – статьи из эмигрантской периодической печати, серьезные литературоведческие работы ведущих критиков Русского зарубежья – мы имеем основания утверждать, что едва ли не каждая серьезная дискуссия о назначении русского писателя в изгнании и о судьбе литературы русской эмиграции, обсуждения проблемы сохранения русского языка за пределами России как средства сбережения национальной идентичности – так или иначе не обходились без упоминания об опыте, личности и творчестве И.С. Тургенева.

Пример И.С. Тургенева в полемике о роли и месте писателя русской эмиграции первой волны в инокультурном окружении

Одним из ключевых для русской творческой эмиграции был вопрос о положении и назначении русского писателя в инокультурном окружении, в том числе и вопрос о том, смогут ли вообще русские литераторы творить на чужбине, и что такое для писателя *эмиграция*?..

Пolemика на эту тему началась с первых лет существования русской эмиграции первой волны и периодически возобновлялась в течение нескольких десятилетий. Фрагменты из биографии И.С. Тургенева, его опыт, цитаты из его переписки, воспоминания о нем приводились как доказательства той или иной точки зрения в спорах о судьбах русской литературной эмиграции довоенного и послевоенного периодов.

Мысли о том, что ждет писателей вне родины, начинали волновать их еще до предполагаемого отъезда из страны. К примеру, одна из старейших писательниц эмиграции Ирина Одоевцева вспоминала: «Когда я уезжала из Петербурга, Федор Сологуб советовал мне непременно писать по-английски или по-французски, потому что иначе никакого признания там не получить. Это страшно возмутило Георгия Иванова: “Тургенев говорил, что нельзя русскому писателю писать не по-русски...”» [Безелянский, 2000] Ирина Одоевцева и Георгий Иванов, как и большинство их коллег по писательскому и поэтическому цеху, не изменили тургеневскому завету писать на родном языке...

Спустя десятилетие после великого Исхода русская эмигрантская литература подводила первые итоги своего существования на чужбине. Ведущий критик журнала «Воля России» М.Л. Слоним в докладе «Конец эмигрантской литературы», представленном им на заседании литературного объединения «Кочевье» в 1931 году, делал неутешительный вывод: «Мы оказались исключенными из бытия России...», поэтому, утверждал критик, русская литература в изгнании ничего не создала [Кудрова, 2007, 76]

В ответ на подобные высказывания выдающийся критик Русского зарубежья, поэт Георгий Адамович, обращаясь к некоему лицу и подразумевая, вероятно, Слонима, парировал: «Ему, видите ли, нужны «березки», он сентиментален, он, видите ли, позабыл, что Гоголь в Риме написал «Мертвые души», а Тургенев почти всю свою жизнь провел во Франции...» [Адамович, 2002, 511]

Продолжая полемику, Слоним отвечал своим оппонентам: «Дело не в том, что Тургенев жил за границей, важно, что его романы читались в России и влияли на русского человека, а значит, на русскую культуру и искусство...» [Слоним, 1931, 617-621]

Слониму вторил Георгий Иванов, в отчаянии резюмируя в статье «Без читателя», опубликованной в №5 журнала «Числа» за 1931 год: «...читателей у нас нет, Родины нет, влиять мы ни на что не можем...» [Иванов, 1931, с. 152] Поэт с горечью констатировал превращение разных по профессиональному уровню писателей русского изгнания в однородную массу, которая «пописывает» то, что потом их соотечественники «почитывают», в большинстве своем ища в литературных произведениях исключительно «здравый смысл», а не нечто большее, что искали в литературе читатели прошлой России...

Таким образом, и М. Слоним, и Г. Иванов – прямо и косвенно – выделяли глубинное различие между творчеством И.С. Тургенева и творчеством русских писателей-эмигрантов первой волны: произведения жившего вдали от Отечества Тургенева оказывали огромное влияние на читателей, на общественное мнение в России и на русскую культуру в целом, а творившие в изоляции по политическим причинам писатели Русского зарубежья довоенного

периода, равно как и их творчество, читателям в России были вообще неизвестны и, следовательно, не влияли на процессы, происходившие в единой русской культуре.

Так может и должен ли в принципе русский писатель творить на чужбине?.. В серьезном, аналитическом труде о русской эмигрантской литературе «Одиночество и свобода» (1954), подводившем уже тридцатилетний итог существования русской литературы в эмиграции, Георгий Адамович цитировал И.А. Бунина: «Что же, уехал я из Белевского уезда, значит, и перестал быть русским писателем?..» Бунин, по словам Г. Адамовича, «сам себя питал», поэтому мог творить, где угодно; и даже менее «устойчивый» к переменам В. Ходасевич, по мнению критика, имел такую же точку зрения: сам факт пребывания на чужой земле не является препятствием для творчества. [Адамович, 2002, 14]

Адамович, следовало из текста статьи, придерживался той же позиции, однако признавал, что *невозможность* возврата к родным берегам тех, кто не примкнул к большевизму, делает их жизнь и творчество качественно иными. В ответ оппонентам, приводящим в пример «положительный» опыт И.С. Тургенева, критик отвечал: нет параллелей тому, что произошло с русской интеллигенцией после 1917 года. Тургенев создавал свои романы во Франции, полемизировал автор статьи, однако в его сознании не было мысли о том, что «мосты разрушены, путей нет и что творится на родине нечто неведомое, грозно-незнакомое, чреватое невидимыми последствиями...» «Не то, не то...», – раздраженно повторял Адамович, – оставим поэтому никчемные, годящиеся лишь для никчемной полемики параллели...». [Адамович, 2002, 16,17]

По мнению критика, коренное отличие судеб писателей-эмигрантов первой волны и писателей-соотечественников, проживавших вне родины до великого Исхода, определило и различие в их творчестве: даже в литературе о прошлом, отмечает автор статьи, современные писатели-эмигранты стремятся найти ответы на «коренные недоумения», адресованные в будущее... [Адамович, 2002, 17]

Как видим, мнение Адамовича за двадцать лет существенно изменилось: если в статье от 1931 года критик приводил в пример писателям русской эмиграции опыт Тургенева, который успешно творил на чужбине, то в 1954 году, в работе «Одиночество и свобода», где многие статьи из «Последних новостей» критиком были переработаны, – уже не признавал каких-либо параллелей с писателем, поскольку выделял качественное различие: невозможность возврата своих соотечественников на родину, что коренным образом отражалось и на характере их творчества...

Непосредственным участником полемики о литературе русской эмиграции первой волны был и писатель Б.К. Зайцев, автор романа «Жизнь Тургенева», оппонировавший М. Слониму в статье «Дела литературные», опубликованной в газете «Возрождение» № 2403 от 1931 года. [Зайцев, 2009, 154]

Б.К. Зайцев видел предназначение русских писателей на чужбине в их культурном представительстве в странах проживания. Тургенев, по мнению Зайцева, был первым послом русской культуры в Европе, и писателям-эмигрантам надо обязательно следовать его активной позиции в деле сохранения, популяризации и преумножения русской культуры за рубежом. [Зайцев, 2009, 112-116]

В полемике о месте в русской и мировой культуре так или иначе участвовали почти все выдающиеся мастера слова Русского зарубежья, и многие из них, помимо вышеприведенных, обращались за поиском смыслов к опыту и творчеству И.С. Тургенева на протяжении всей их творческой жизни за пределами Отечества.

Тургеневское наследие в контексте проблемы сохранения русского языка как первоосновы национальной идентичности русской эмиграции первой волны

В приведенной выше статье Г. Иванова «Без читателя» косвенно был затронут еще один острейший вопрос русской эмиграции: читателей русской эмигрантской литературы становилось все меньше, поскольку молодое поколение эмигрантов, прожившее в изгнании около десяти лет, все хуже и хуже говорило по-русски и стремительно ассимилировалось в чужую языковую среду. Исследователи культуры Русского зарубежья отмечают постепенную денационализацию русской диаспоры в 30-х годах прошлого века, происходившую из-за потери родного языка [Кудрова, 2007, 76] Проблема сохранения национальной идентичности в условиях инокультурного окружения в этот период для русских эмигрантов первой волны становится одной из основополагающих, равно как и проблема сохранения родного языка как основной скрепы нации.

Для русских литераторов в изгнании этот вопрос был особенно чувствительным, поскольку перед ними открывалась реальная перспектива не просто ассимиляции в иную языковую среду, но и потери русского литературного языка.

Не стоит говорить о тех аналогиях, которые напрашиваются сегодня в связи с вопросом о русском языке, его роли и месте в культуре «глобального мира» [Афанасьева, 2015, 67-76]. При этом многие авторы сходятся на том, что в основе влияния русского языка в современной культуре все еще лежит великая русская литература [Русский язык..., 2015], [Алексеев, 2013, 86-90], [Современный русский язык..., 2008], [Силантьева, 2014, 62-67] и др.

Эмигранты первой волны, как уже было сказано, слишком хорошо понимали специфическую проблему, связанную с трансляцией культурного наследия средствами родного языка.

Еще в первом десятилетии изгнания поэт К.Д. Бальмонт опубликовал статью «Русский язык» с подзаголовком «Воля как основа творчества» (1924), где старался передать восхищение и гордость за обладание великим даром – русским языком вместе с чувством тоски по отечеству и родному языковому пространству. Эмоции автора воплотились не только в блестяще написанном эссе, но и в стихах о русском языке в рамках этого небольшого, но яркого, публицистически сильного произведения.

Насыщенным, звучным русским языком, с использованием устаревших, но образных и стилистически оправданных, слов К. Бальмонт не говорит, а поет гимн красоте и полноте «великорусской, чистой, медлительной речи». Целая плеяда национальных героев – Нестор, протопоп Аввакум, Ломоносов, Пушкин, Карамзин – упоминается в тексте статьи, автор рассуждает о специфике родного языка, его размеров и ритмов, особенностях его интонационного строя... Однако: «Откуда вот это?» – восклицает поэт, приводя в пример фрагмент из очерка профессора Виноградова «Наблюдения над стилем Жития протопopa Аввакума», где, по мнению Бальмонта, имеет место «убогий», «сатанинский набор слов, притязаний быть научным и в самоослеплении полагающий являть из себя словосочетания языка русского, отсюда же, где Россия превратилась в РСФСР...» [Бальмонт, 2007, 271-272].

Бальмонт возмущен: безумное и злое дело – вводить в родной язык «целое сонмище» зарубежных слов, которые без труда могут быть заменены исконно-русскими словами. Безумное и злое, по мнению поэта, сотворила Академия наук, придумав «нескладное», «безобразное» правописание...

Все эти примеры, утверждает Бальмонт, красноречиво говорят о распаде русского языка, поэтому надо «очиститься от скверны», применив «благоговейную молитву, которую перед смертью на чужбине, истосковавшись в безлюбьи, написал Тургенев». [Бальмонт, 2007, 272]

Стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Русский язык» автор статьи публикует полностью – в качестве своеобразного противоядия от того, «что совершается дома». Кажется, что именно им – русским писателям-эмигрантам – через годы передает Тургенев свое духовное завещание – сберечь это главное национальное достояние, дабы «великий и могучий» стал для них подлинной «поддержкой и опорой» вдали от родных берегов...

Как своеобразное продолжение знаменитого произведения Тургенева явилось стихотворение К. Бальмонта «Русский язык», опубликованное им в том же году («Язык, великолепный наш язык...»). Близкие сердцу образы русской природы, национального фольклора, национальных героев – Вещего Олега, Петра Первого, Пушкина – в возвышенном поэтическом тексте Бальмонта являли единый, неделимый образ Родины, оставшейся в душе и языке поэтов и прозаиков русского изгнания...

Через девять лет тургеневские строки из стихотворения «Русский язык» использовала и поэтесса Зинаида Гиппиус в тексте поздравления Ивану Бунину в связи с присуждением ему Нобелевской премии по литературе в 1933 году. В статье «В сей час», напечатанной в популярной эмигрантской газете «Последние новости» (Париж) от 16 ноября 1933 года, №4261, З.Н. Гиппиус обращалась к русским собратьям по перу: «В дни, когда мы все, кажется, потеряли, не остается ли у нас последняя драгоценность, – наш русский язык?.. Некогда Тургенев завещал «хранить великий русский язык»; но лишь теперь, пройдя долгие испытания, мы начинаем понимать, что это за сокровище...» [Гиппиус, 1933]

Обратим внимание на интонационный строй, пафос и лексику приветствия З. Гиппиус, во многом повторяющего интонацию и торжественность тургеневского текста: «В дни, когда мы все, кажется, потеряли...» (Гиппиус) и «Во дни сомнений и тягостных раздумий о судьбах моей родины...» (Тургенев). Оба текста задумывались авторами как обращение к огромной русскоязычной аудитории, отсюда и эпический стиль, и практически былинные интонации, – в «сей час» – в тяжелый для отечества час – тургеневское наследие подсказало поэтессе верные слова и образы...

Дата награждения И.А. Бунина совпала с 50-летней годовщиной кончины И.С. Тургенева, и русская творческая эмиграция видела некий высокий промысел в том, что заслуги творившего на чужбине современного русского писателя были так высоко оценены международным сообществом, как некогда оно оценило и творчество Тургенева. Знаменитое стихотворение в прозе «Русский язык» наполнялось особым смыслом для русских беженцев, особенно – для русских писателей: тех, кто был «не в изгнании, а в послании», Тургенев просил уберечь самое главное национальное сокровище – русский язык...

Заключение

Таким образом, наследие и биография И.С. Тургенева в контексте рефлексии русских писателей первой волны эмиграции о месте и предназначении в инокультурном окружении, в контексте проблемы сохранения национальной идентичности и русской литературы через сбережение, прежде всего, родного русского языка, имели непреходящее значение. На протяжении более 30-ти лет русские гуманитарии в изгнании обращались к тургеневскому опыту и слову в поисках ответов на основные вопросы эмигрантского бытия и творчества и находили их.

В настоящее время русские писатели и другие деятели культуры, проживающие в ближнем и дальнем Зарубежье, могут обратиться к опыту писателей русской эмиграции первой волны, которые в той или иной степени переосмыслили наследие И.С. Тургенева в поисках своего места и предназначения в русской и мировой культуре. Использованные в данной работе труды Г.В. Адамовича, Б.К. Зайцева, М.Л. Слонима, З.Н. Гиппиус, К.Б. Бальмонта актуальны и в рамках современного тургеневедения, поскольку тема духовного наследия И.С. Тургенева в культуре Русского зарубежья современными исследователями практически не разрабатывалась. Их исследование сквозь призму комплексного междисциплинарного подхода современной культурологии представляется перспективным с точки зрения поиска точек интеллектуального роста современной культуры за счет ее обогащения путем обращения к изучению своего собственного культурного наследия.

Библиография

1. Адамович Г.В. Одиночество и свобода. СПб.: Алетейя. 2002. 476 с.
2. Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные заметки. СПб.: Алетейя, 2002. Т. 1. С.786.
3. Алексеев А.А. Русский язык и литература в контексте православной культуры // Зауральский научный вестник. 2013. №. 1. С. 86-90.
4. Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилева И.Б. Конфликт поколений («Век нынешний и век минувший») // Стратификация национального языка в современном российском обществе. СПб., 2013. 177 с.
5. Афанасьева Н.Д. Нужен ли русский язык глобальному миру XXI века? // Межкультурная коммуникация в условиях глобализации: проблема культурных границ в современном мире. М., 2015. 305 с.
6. Бальмонт К.Б. О русской литературе. Воспоминания и раздумья 1892-1936. М.: Алгоритм. 2007. С. 432
7. Безелянский Ю.Н. Коктейль Россия. М.: Радуга, 2002. С. 560
8. Гиппиус З.Н. В сей час // Последние новости № 4261. 1933
9. Глаголев В.С. Аксиологические координаты творческой стихии // Творчество как национальная стихия. Смысл творчества: инновации и Dasein. СПб., 2016. С. 41-48.
10. Глаголев В.С. Внутренний мир художника: парадоксальность и противоречивость // Многомерность внутреннего мира: философские ракурсы. М., 2016. С. 32-45.
11. Зайцев Б.К. Дневник писателя. М.: Русский путь. 2009. 208 с.
12. Иванов Г.В. Без читателя // Числа. 1931. №5. С. 315.
13. Каменец А.В. Проблемы формирования духовно-нравственной культуры в произведениях русской художественной литературы. М., 2016. 132 с.
14. Кудрова И.В. Путь комет. М., 2007. 1392 с.
15. Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений. М., 2014. Т. 8. 277 с.
16. Милюков П.Н. Русский европеец // Последние новости. 1933. № 4547.
17. Милюков П.Н. И.С. Тургенев (1818-1833) // Современные записки. 1934. LIV. 483 с.
18. Рогова К.А. (ред.) Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. СПб., 2015. 741 с.
19. Селезнева Е.Н., Каменец А.В. Культурология Русского мира: духовные основы национального менталитета. М., 2016. 260 с.
20. Селезнева Е.Н., Каменец А.В. Проблемы формирования ценностных параметров национально-культурной идентичности в современных проектах «культурологии Русского мира» // Культурное наследие России. 2013. № 1. С. 34-41.
21. Силантьева М.В. Аксиолого-этические аспекты межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. М., 2010. 214 с.
22. Силантьева М.В. Русский язык в «имперском» формате: «золотой век» русской литературы и культуры как источник современной российской ментальности // Русское культурное пространство. М., 2014. С. 62-67.
23. Слоним М.Л. Заметки об эмигрантской литературе // Воля России. 1931. № 7/9. С. 619-626.
24. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX – XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.

The legacy of I.S. Turgenev in polemics about the role and place of the emigrant writer in the spiritual life of the Russian emigration of the first wave

Irina N. Tishina

Journalist,
House of the Russian Diaspora,
119240, 2 Nizhnyaya Radishchevskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tishina70@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the perception of the heritage of Turgenev by figures of culture of the Russian emigration of the first wave in the context of controversy about the position and purpose of the Russian writer in exile. The dispute about emigrant literature divided the writers of the Russian diaspora into those who did not see the prospects for its development because of their isolation from the mother country, and those who, on the contrary, considered Russian emigre literature the successor of the great Russian culture. Some argued that the writer was successful in creating a foreign country, which indicated the creative viability of the Russian writer outside the Fatherland. Others denied this vitality, believing that the works of Turgenev influenced Russian culture because of the absence of political isolation, and the works of writers of the Russian emigration of the first wave in Russia are not known, and, therefore, have no influence on readers and on Russian culture in general. The relevance of this study is determined by the existence of problems of preserving the national and cultural identity and the Russian language in the global Russian world, in solving which the experience of writers of the Russian emigration in re-evaluating the Turgenev heritage in this context is in demand.

For citation

Tishina I.N. (2017) Nasledie I.S. Turgeneva v polemike o roli i meste pisatelya-emigranta v dukhovnoi zhizni russkoi emigratsii pervoi volny [The legacy of I.S. Turgenev in polemics about the role and place of the emigrant writer in the spiritual life of the Russian emigration of the first wave]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (5A), pp. 512-520.

Keywords

I.S. Turgenev, Russian culture, Russian emigration, Russian emigration, Russian emigre literature, Russian language, national identity.

References

1. Adamovich G.V. (2002) *Odinochestvo i svoboda* [Loneliness and freedom]. St. Petersburg: Aleteiya Publ.
2. Adamovich G.V. (2002) *Sobranie sochinenii. Literaturnye zametki* [Collected works. Literary notes]. St. Petersburg: Aleteiya Publ. Vol. 1.
3. Afanas'eva N.D. (2015) Nuzhen li russkii yazyk global'nomu miru KhKhI veka? [Does the Russian language need the global world of the 21st century?]. In: *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v usloviyakh globalizatsii: problema kul'turnykh granits v sovremennom mire* [Intercultural communication in the context of globalization: the problem of cultural boundaries in the modern world]. Moscow.

4. Afanas'eva N.D., Zakharchenko S.S., Mogileva I.B. (2013) Konflikt pokolenii («Vek nyneshnii i vek minuvshii») [Conflict of generations ("The Century of the Present and the Century Past")]. In: *Stratifikatsiya natsional'nogo yazyka v sovremennom rossiiskom obshchestve* [Stratification of the National Language in Contemporary Russian Society]. St. Petersburg.
5. Alekseev A.A. (2013) Russkii yazyk i literatura v kontekste pravoslavnoi kul'tury [Russian Language and Literature in the Context of Orthodox Culture]. *Zaural'skii nauchnyi vestnik* [Science herald of Zauralye], 1, pp. 86-90.
6. Bal'mont K.B. (2007) *O russkoi literature. Vospominaniya i razdum'ya 1892-1936* [About Russian literature. Memories and thoughts, 1892-1936]. Moscow: Algoritm Publ.
7. Bezelyanskii Yu.N. (2002) *Kokteil' Rossiya* [Russia Cocktail]. Moscow: Raduga Publ.
8. Gippius Z.N. (1933) V sei chas [At this time]. *Poslednie novosti* [Latest news], 4261.
9. Glagolev V.S. (2016) Aksiologicheskie koordinaty tvorcheskoi stikhii [Axiological coordinates of the creative element]. In: *Tvorchestvo kak natsional'naya stikhiya. Smysl tvorchestva: innovatsii i Dasein* [Creativity as a national element. The meaning of creativity: innovation and Dasein]. St. Petersburg.
10. Glagolev V.S. (2016) Vnutrennii mir khudozhnika: paradoksal'nost' i protivorechivost' [The inner world of the artist: paradoxical and contradictory]. *Mnogomernost' vnutrennego mira: filosofskie rakursy* [Multidimensionality of the inner world: philosophical perspectives]. Moscow.
11. Ivanov G.V. (1931) Bez chitatelya [Without the reader]. *Chisla* [Numbers], 5, p. 315.
12. Kamenets A.V. (2007) *Problemy formirovaniya dukhovno-nravstvennoi kul'tury v proizvedeniyakh russkoi khudozhestvennoi literatury* [Problems of the formation of spiritual and moral culture in the works of Russian fiction]. Moscow.
13. Kudrova I.V. (2007) *Put' komet* [he path of comets]. Moscow.
14. Merezhkovskii D.S. (2014) *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. Moscow. Vol. 8.
15. Milyukov P.N. (1933) Russkii evropeets [Russian European]. *Poslednie novosti* [Latest news], 4547.
16. Milyukov P.N. (1934) I.S. Turgenev (1818-1833). In: *Sovremennye zapiski* [Modern notes], LIV.
17. Rogova K.A. (ed.) (2015) *Russkii yazyk i literatura v prostranstve mirov' kul'tury* [Russian language and literature in the space of world culture]. St. Petersburg.
18. Selezneva E.N., Kamenets A.V. (2016) *Kul'turologiya Russkogo mira: dukhovnye osnovy natsional'nogo mentaliteta* [Culturology of the Russian world: the spiritual foundations of the national mentality]. Moscow.
19. Selezneva E.N., Kamenets A.V. (2013) Problemy formirovaniya tsennostnykh parametrov natsional'no-kul'turnoi identichnosti v sovremennykh proektakh «kul'turologii Russkogo mira» [Problems of formation of value parameters of national and cultural identity in modern projects of cultural science of the Russian world]. *Kul'turnoe nasledie Rossii* [Cultural heritage of Russia], 1, pp. 34-41.
20. Silant'eva M.V. (2010) Aksiologo-eticheskie aspekty mezhkul'turnoi kommunikatsii [Axiological and Ethical Aspects of Intercultural Communication]. In: *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v usloviyakh globalizatsii* [Intercultural Communication in the Context of Globalization]. Moscow.
21. Silant'eva M.V. (2014) Russkii yazyk v «imperskom» formate: «zolotoi vek» russkoi literatury i kul'tury kak istochnik sovremennoi rossiiskoi mental'nosti [Russian language in the "imperial" format: the "golden age" of Russian literature and culture as a source of modern Russian mentality]. In: *Russkoe kul'turnoe prostranstvo* [Russian cultural space]. Moscow.
22. Slonim M.L. (1931) Zametki ob emigrantskoi literature [Notes on emigrant literature]. *Volya Rossii* [The Will of Russia], 7/9, pp. 619-626.
23. (2008) *Sovremennyi russkii yazyk. Aktivnye protsessy na rubezhe 20-21 vekov* [The modern Russian language. Active processes at the turn of the 20th-21st centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.
24. Zaitsev B.K. (2009) *Dnevnik pisatelya* [Diary of the writer]. Moscow: Russkii put' Publ.